

УДК 811.161.1; 811.172

М. С. Хмелевский

**СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЛИТВЕ КАК ПРИМЕР
ПОЛИЛИНГВИЗМА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Аннотация. В статье дается краткий обзор современной языковой ситуации в Литве с учетом многолетнего сосуществования литовцев, русских, поляков и белорусов в рамках одного национального этнического макроса – литовского народа. В качестве основного подхода к данному вопросу выбирается исключительно социолингвистический аспект, который наиболее объективно поможет представить положение русского языка в иноязычной среде и культуре и избежать современной субъективной политической окраски этой темы.

Ключевые слова: *русский язык, литовский язык, социолингвистика, языковая интерференция, национальные меньшинства.*

M. S. Khmelevskiy

**MODERN LANGUAGE SITUATION IN LITHUANIA AS AN EXAMPLE OF
POLYLINGUISM AND INTERETHNIC TOLERANCE**

Annotation. Given article provides the short overview of the modern linguistic situation in Lithuania as a result of long-term coexistence of Lithuanians, Russians, Poles and Belarusians within the framework of one macro national Lithuanian ethnos. The main approach to this issue is an exclusively sociolinguistic aspect, which will help us to present this theme more objectively without the modern subjective political coloring and stereotypes.

Keywords: *Russian language, Lithuanian language, sociolinguistics, language interference, national minorities.*

*«Литва! Отчизна милая моя, подобна ты здоровью...»
А. Мицкевич*

Современное положение и функционирование русского языка на постсоветском пространстве по сей день остается неоднозначным. С одной стороны, в российских СМИ мы постоянно сталкиваемся со стереотипным представлением о притеснении русскоязычного населения на Украине и в странах Балтии, с другой – реальная действительность во многом доказывает обратное.

В ходе наших полевых исследований было установлено, что Киев, Харьков, Черкассы, Полтава, города Поднепровья, Николаев, Одесса и др. являются почти русскоязычными или суржикоязычными (смесь русского и украинского языков) [7, с. 49]. Будучи билингвами или не владея ни тем, ни другим литературными языками, жители крупных городов Юго-Восточной и Центральной Украины в обиходно-разговорной речи преимущественно пользуются русским. Факт украинско-русского двуязычия в рамках интерференции близкородственных языков, несомненно, накладывает отпечаток на лингвистическую форму реализации русского языка, однако вряд ли здесь можно говорить о каком-либо ущемлении права использовать тот или иной языковой код в повседневном общении. Само явление русскоязычия в вышеперечисленных городах Украины служит яркой иллюстрацией проявления билингвизма и языковой толерантности, а русскоязычный Киев не может не стать подтверждением вышесказанному.

Аналогии также можно провести и с крупными городами Белоруссии, где русский язык служит средством коммуникации, а сам белорусский язык в списке ЮНЕСКО стоит одним из первых в списке вымирающих языков [2, с. 110].

Иная ситуация наблюдается в странах Балтии, где число русскоязычного населения доходит зачастую до сопоставимого в процентном соотношении с коренными жителями этих стран, в частности в Эстонии и Латвии. Вряд ли можно назвать ущемлением в праве выбора языка общения русских, если такие крупные латвийские города, как Рига, Даугавпилс и Лиепая, говорят в большинстве своем на русском языке, а коренные латыши являются билингвами вследствие многолетнего исторически обоснованного сосуществования обоих народов в одном общем языковом и культурном пространстве. Эстония также не является исключением, где в Таллине и других крупных городах (Тарту, Пярну, Нарва) проживает русскоязычное население, и эстонцы в общении часто переключаются на язык собеседника, будучи билингвами, с целью быть понятыми. Естественно, это относится к крупным городам, где русское национальное меньшинство порой составляет большинство (как, например, латвийская Рига или эстонская Нарва).

Русские, проживающие долгое время в Латвии и Эстонии, в своей основе сравнительно редко вступают в культурологический и общественный контакт с коренным населением и живут обособленно: в Таллине и Риге действуют русскоязычные школы, православные церкви, русские театры, организации и сообщества для многочисленной русской диаспоры. И если на административном уровне закреплены латышский и эстонский языки в качестве государственных, русские в большинстве своем не овладевают или слабо овладевают ими, сохраняют определенную отстраненность от коренных народов и живут довольно обособленно от них, составляя в численном соотношении почти половину населения этих стран.

Совершенно иную языковую и национальную ситуацию мы наблюдаем в Литве, где коренные жители численно превосходят другие народы, проживающие на ее территории, доходя в некоторых регионах (в особенности это касается Каунаса и, естественно, мелких населенных пунктов). Однако в отличие от Латвии и Эстонии русские, долгое время проживающие в Литве, довольно активно вливаются в общественную и культурную жизнь национального большинства страны, овладевают литовским языком и зачастую даже «литуанизируются», идентифицируя себя литовцами славянского происхождения. Здесь можно говорить о факте ассимиляции, или «растворения» русских (в особенности молодого поколения) в литовском этническом пространстве, а точнее – переход на литовский язык в повседневном бытовом общении, перенимание традиций и культуры литовцев, которая постепенно начинает восприниматься ими уже как родная. В этом видится существенное отличие литовской ситуации от ситуации в Латвии и Эстонии, где русские сосуществуют с коренным населением как соседи, но не «растворяются» в нем, тогда как в Литве второе или третье поколение переселенцев из России ассоциирует себя частью литовского этноса. Они порой даже забывают свой родной язык, или появляется акцент и русско-литовская интерференция.

Этим объясняется языковая и национальная политика стран Балтии – толерантное отношение литовцев к русским и другим национальностям, легко воспринимающим, принимающим и впитывающим в себя местный колорит и даже меняют этническую самоидентификацию, зачастую с утратой каких-либо связей с Россией, русской нацией и культурой. Тогда как в Латвии и Эстонии русские традиционно живут обособленно, сохраняя дистанцию, сосуществуя параллельно и не пересекаясь в этническом смысле [6, с. 53].

В Литве же ассимиляция русского населения достаточно сильна, она касается прежде всего перехода с родного языка на литовский в повседневном общении и восприятия у обывателя Литвы уже как родины, а России – как уже чего-то чужого и неродного.

Русский язык в иноязычном, в частности, литовском окружении, отличается своей раскованностью, и этот процесс проявляется на разных языковых уровнях [1, с. 72], как то (примеры собраны нами из разговорной речи русских, долгое время проживающих или родившихся в Литве):

- лексико-семантические особенности, а именно вставки литовских реалий в русскую речь (*сегодня приготовим шалти барцай* – «холодный борщ», *она отлично готовит кастинис, хочу сделать марчос салат* (литовские национальные блюда)), названия учреждений (*сходи завтра в савивальдибе* – букв. «местное самоуправление», *я зарегистрировался в Содре* – название пенсионного фонда Литвы, *откликнулась только партия таутининков*, где *tautininkas* – «патриот») и административных процедур, активизация заимствований (в том числе и англицизмов), пассивный запас лексики и утрата чувства многозначности слова,

- словообразовательные процессы вследствие интерференции (*надо купить цеппелинай, где наши макаронай?* – окончание мн.ч., *она настоящая карве* – «корова», более частотное в литовском, чем в русском, употребление по отношению к глупой женщине),

- семантические процессы, связанные с активизацией явления расширения семантической структуры слова, актуализации его второстепенных значений и историзмов (*сейм принял решение* – название парламента Литвы, *городская управа столицы* – буквальный перевод литовского названия), терминологизация слов (*тебе дали пашалпу на ребенка* – букв. денежное пособие, *Антстолис уже подписал документ* – судебный пристав, *завтра у нас искайта в девять* – зачет, *работать на пол-этата* – на полставки), изменение коннотаций (*учительница, скажите, пожалуйста* – литовское обращение к говорящему по его профессии, вм. обращения по имени и отчеству),

- грамматические сдвиги и ослабление синтаксических правил, частотное проявление стремления к аналитизму (*я был пришел* – калька из литовского, где с помощью такой конструкции образуется прошедшее время, почти полная утрата или расшатанность склонения числительных и т.п.).

- частотность просторечных форм, которые не воспринимаются таковыми (формы *я взяла, я брала* с ударением на первом слоге, *ложить, плотят*, местоимения *ихний, евоный*, императивы *едь!, ехай!* и др.).

Кстати, не менее частотен и обратный процесс, когда литовская речь засоряется вставками из русского, обусловленный длительными межъязыковыми историческими контактами, а также литовско-русским билингвизмом и, как следствие, интерференцией. Этот процесс наиболее ярко проявляется на лексическом уровне (напр., *basanožkės/basankai, četodanas, čainukas, bagotas* (богатый), *raduška* и т.д., которые русскому понятны без перевода, однако все они имеют полные эквиваленты и аналоги в литературном языке) [1, с. 101]. А также неоспоримым фактом является

проникновение и многочисленные вкрапления в литовскую речь (в особенности у молодого поколения и людей среднего возраста) русских жаргонной лексики, бранных, пейоративных, нецензурных слов и выражений как следствие практически отсутствия данного пласта лексики в обиходном разговорном литовском языке [8, с. 494].

Отдельного внимания заслуживает языковая ситуация столицы Литвы с полумиллионным, но столь разнообразным населением – город Вильнюс, который по праву заслуживает метафорического названия «Литовский Вавилон» [3, с. 110]. Вопреки расхожему мнению, что столица должна представлять собой центром национального патриотизма, моноэтничности и образцом чистого языка, на самом деле таковой не является (какими не являются русскоговорящие Минск и Рига или столица Украины Киев, где «бастионом», с точки зрения украинского национального самосознания, являются Львов, Тернополь и Ивано-Франковск, а для Литвы – бывшая столица Каунас) [4, с. 93].

В вильнюсском крае и в самом Вильнюсе слились многовековые исторически обусловленные неразрывно связанные между собой различные народы, культуры и традиции. Помимо преобладающего литовского языка здесь можно легко быть понятым говоря на русском, тут довольно часто можно услышать и польский в его диалектном преломлении, поскольку эта территория долгое время относилась к Польше, а в результате многовековых польско-литовских контактов поляки исконно проживают в этом регионе. На улицах Вильнюса нередко звучит и белорусский язык, т.к. испокон веков белорусы проживали в Вильнюсе и сохранили и используют свой родной язык в бытовом общении, который практически вышел из повседневного употребления жителей современной Белоруссии вследствие десятилетий советской политики насильственной русификации. В продолжение нельзя также не упомянуть и караимов, которые с эпохи князя Витаутаса компактно проживают в одном из районов Вильнюса и до сих пор сохранили и употребляют свой родной караимский язык в живом общении между собой. При этом все эти народы, проживающие в мире и взаимопонимании друг с другом, в действительности являются абсолютными билингвами, т.е. свободно (подчеркнем – свободно) владеют как своим родным, так и литовским языками, а что характерно именно для языковой ситуации Вильнюса, являются полилингвами: белорусский-литовский-русский, польский-литовский-русский, караимский-литовский-русский [6, с. 52].

В заключение всего вышесказанного отметим, что строки Адама Мицкевича из его поэмы «Пана Тадеуш», вынесенные в эпиграф к нашей статье, как родные одинаково близко сердцу звучат как для поляка на польском, для литовца на литовском, так и для белоруса на белорусском, поскольку поэт родился в Новогрудском уезде Виленской губернии (территория современной Белоруссии). Некоторые из белорусских

литературоведов даже называют Мицкевича родоначальником новой белорусской литературы [5, с. 7] и белорусским польскоговорящим поэтом [9], которого, в частности, переводил на белорусский язык великий белорусский поэт Янка Купала. Целая плеяда русских поэтов приблизили его творчество русской культуре, среди них А.С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт и многие другие. Переводами Мицкевича занимались и классики литовской литературы, как, например, В. Кудирка – автор современного гимна Литвы, начало которого *Lietuva, Tėvynė mūsų* – «Литва, Отчизна моя» - несомненно, навеяна первой строкой из поэмы Мицкевича *Litwo, Ojczyzna moja...*

Таким образом личность А. Мицкевича метафорически олицетворяет и находит свои следы в современной языковой, этнической и культурологической картине современного Вильнюса, где гармонично соседствуют литовцы, русские, белорусы и поляки, что еще раз подчеркивает значение вышеприведенного нами эпитета – «Вильнюс – это литовский Вавилон».

Литература

1. Авина Н. Ю. Родной язык в иноязычном окружении. – Москва – Вильнюс : Элпис, 2006. – 315 с.
2. Белоусов В. Н. О перспективах функционирования русского языка в культурном пространстве СНГ и Балтии // Мир русского слова. – СПб : Златоуст, 2000. - № 4. – С. 109-113.
3. Кузнецова И. В. Устойчивые сравнения о сходстве и различии реалий // *Językoznawstwo Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze.* – № 12. – Łódź : Wydawnictwo Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi, 2018. – S. 99–107.
4. Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Киевский суржик как феномен украинской разговорной речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – № 2 (98). – Чебоксары : ЧГПУ, 2018. – С. 89-99.
5. Мальдзіс А. Зямля Навагрудская, краю мой родны // Адам Міцкевіч і Беларусь. – Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – С. 6-12.
6. Раина О. В. Поляки в Латвийской Республике как позитивный пример взаимопроникновения культур // Этническая культура. – Чебоксары : ЧГПУ, 2019. – С. 52-54.
7. Савченко А. В., Хмелевский М. С. К истокам формирования и становления украинской языковой трехкодности (русский язык – суржик – украинский язык) // Славяноведение. – М : РАН, 2018. – С. 47-59.
8. Хмелевский М. С. Литовская фразеология микрополя неопределенно-большого количества // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М. : ЭЛЛИС, 2006. – С. 494-497.
9. Энцыклапедычны даведнік. Літаратура. Культуралогія. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2003.

Автор:

Хмелевский Михаил Сергеевич – доцент, кандидат филологических наук, кафедра славянской филологии Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Author:

Khmelevsky Mikhail Sergeevich – Associate Professor, Candidate of Philology, Department of Slavic Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru